

Т. А. ИВАНОВА

Глаголица: новые гипотезы

(несколько критических замечаний по поводу новых исследований
о первой славянской азбуке)

Многие, очень многие писали об этом предмете и писали словоохотно, но не вполне и неокончательно высказывают свои мысли и смотрят на предмет с различных точек, следовательно, не все верно. Позволю и себе поучаствовать в этом деле. Иван Синайский. Нечто о происхождении и образовании славяно-русской азбуки. Москва, 1857 год

С начала 90-х гг. минувшего века было опубликовано несколько новых гипотез, посвященных древнейшему славянскому алфавиту — глаголице. Так, в 1991 г. Ю. С. Степанов на страницах «Вопросов языкознания» напечатал статью «Несколько гипотез об именах букв славянских алфавитов»,¹ которую он позже переиздал в совместной с С. Г. Проскуриным монографии «Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в период двоеверия».² Тогда же было положено начало многочисленным публикациям Л. Б. Карпенко, которые завершились монографией «Глаголица — славянская священная азбука»³ и успешной защитой докторской диссертации в 2004 г.⁴ В 1992 г. увидели свет статья Г. М. Прохорова «Глаголица среди миссионерских азбук»⁵ и статья бельгийских славистов Фр. Винке и Р. Детре «De l'origine et de la structure de l'alphabet glagolitique»,⁶ которая в сокращенном виде была опубликована Ф. Винке на русском языке под тем же названием в «Литературной учебе».⁷

¹ Степанов Ю. С. Несколько гипотез об именах букв славянских алфавитов // ВЯ. М., 1991. № 3. С. 23—45.

² Степанов Ю. С., Проскурин С. Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в период двоеверия. М., 1993. С. 30—34, 53—64, 107—114.

³ Карпенко Л. Б. Глаголица — славянская священная азбука (Семиотический анализ в контексте Библии). Самара, 1999. 210 с.

⁴ Карпенко Л. Б. Глаголица как семиотическая система. Автореф. дисс. д-ра филол. наук. СПб., 2000. 40 с. (Здесь же на с. 38—40 дан полный перечень публикаций автора по теме диссертации, с большинством которых рецензент не имел возможности познакомиться.)

⁵ Прохоров Г. М. Глаголица среди миссионерских азбук // ТОДРЛ. СПб., 1992. Т. 45. С. 178—199.

⁶ Vincke F., Detrez R. De l'origine et de la structure de l'alphabet glagolitique // *Orientalia Lovaniensia Periodica*. 1992. P. 219—250. (К сожалению, рецензент знаком с этой статьей только по докладу В. Федерера, прочитанному им на заседании Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома, а также по аннотации В. Федерера, любезно предложенной слушателям его доклада.)

⁷ Винке Фр. О происхождении и структуре глаголической азбуки // Лит. учеба. М., 1996. Кн. 3. С. 115—127.

С 1993 г. начинают выходить статьи Л. В. Савельевой, посвященные дешифровке и интерпретации славянского буквенного именника как текста, являющегося, с точки зрения автора, напутственным словом первоучителя славян и первым славянским поэтическим произведением.⁸

Все названные авторы, кроме Ю. С. Степанова, в согласии с уже установившейся традицией исходят в своих работах из приоритета (старшинства) глаголицы по отношению ко второму славянскому алфавиту — кириллице. Однако этот существенный и важный вопрос в работах Ю. С. Степанова оказался вообще незатронутым. Он подвергает анализу имена букв «славянских алфавитов», не задумываясь о том, какому из славянских алфавитов они первоначально были даны, и ссылается при этом то на кириллицу, то на глаголицу. Действительно, имена славянских букв и их порядок в алфавите относятся к числу общих для обеих азбук черт. Но для какой славянской азбуки (глаголицы или кириллицы) были созданы имена букв, в работах Ю. С. Степанова не разъясняется. Между тем это одно из кардинальных положений для решения вопроса об авторстве славянских алфавитов, чему Ю. С. Степанов, по-видимому, не придает значения.

Вместе с тем этот вопрос по-разному решают и остальные авторы, признающие старшинство глаголицы. Л. Б. Карпенко, Фр. Винке и Л. В. Савельева полагают, и, с моей точки зрения, совершенно справедливо, что создателем глаголицы был византийский миссионер и славянский апостол Константин-Кирилл Солунский, о чем я сама неоднократно писала.⁹

Однако Г. М. Прохоров, признавая глаголицу древнейшей славянской азбукой, отказывает Константину-Кириллу в ее авторстве. Он обращает свой взгляд на Восток и приводит весьма показательные параллели буквам глаголицы в разных миссионерских азбуках христианского Востока.¹⁰ Но эти сопоставления теряют свою убедительную силу при отсутствии фонетических / фонологических соответствий между буквами глаголицы и буквами других миссионерских азбук и позволяют говорить лишь о «стилистическом» подобии глаголицы другим восточным алфавитам, что собственно и утверждает Г. М. Прохоров.¹¹ Отказывая Константину-Кириллу Солунскому в создании глаголицы, Г. М. Прохоров предполагает, однако, что он знал о ее существовании, сам ее использовал в своей переводческой деятельности и на ее основе создал вторую славянскую азбуку, вполне естественно названную его именем. Познакомился Константин-Кирилл с глаголицей, по Г. М. Прохорову, во время предполагаемой Брегалницкой миссии, предшествовавшей его поездке в Моравию, о кото-

⁸ Савельева Л. В. 1) Сакральный смысл славянской азбуки: Напутственное слово Первоучителя славян // Север. Петрозаводск, 1993. № 3. С. 152—158; 2) Новый комментарий к заметке А. С. Пушкина о славянской азбуке // Пушкинская эпоха и христианская культура. СПб., 1994. Вып. 4. С. 104—108; 3) Славянская азбука: дешифровка и интерпретация первого славянского поэтического текста // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков. Петрозаводск, 1994. С. 12—31; 4) Истоки и загадки нашей азбуки // Русская речь. М., 1994. № 5. С. 69—74; 5) Языковая экология. Русское слово в культурно-историческом освещении. Петрозаводск, 1997. С. 128—134; 6) К интерпретации славянского буквенного именника как текста // Научные доклады СПбГУ. 1998. 15 с.

⁹ Иванова Т. А. 1) О названиях славянских букв и о порядке их в алфавите // ВЯ. М., 1969. № 6. С. 48—55; 2) Старославянский язык. М., 1977. С. 27—32; 3) Славянские азбуки // Актуальные проблемы изучения и преподавания старославянского языка. М., 1984. С. 64—69; 4) О первой славянской азбуке, ее происхождении и структурных особенностях // Научные доклады СПбГУ. 2001. С. 3—7.

¹⁰ Прохоров Г. М. Глаголица... С. 189 и след.

¹¹ Там же.

рой сообщается в так называемом Успении Кирилла.¹² Однако ни в одном из важнейших исторических источников, кроме Успения Кирилла, сведений или простого упоминания о Брегалнической миссии последнего не содержится. Хотя, конечно, имеются достаточно многочисленные, но не очень достоверные сведения в разных поздних источниках о том, что Константин-Кирилл и Мефодий проповедовали христианство и среди болгар. Вместе с тем однозначного ответа на вопрос, было ли это *до* или *после* Моравской миссии солунских братьев, эти сведения не дают,¹³ а сообщение в Успении Кирилла о его Брегалнической миссии может получить и иное объяснение (о чем ниже). Замечу также, что Б. Н. Флоря в статье «К вопросу о датировке „Успения Кирилла“» привел убедительные доводы того, что это произведение, созданное на основе пространного Жития Кирилла, было написано не ранее XIII в., т. е. времени национального подъема болгарского народа после освобождения от византийского владычества и восстановления болгарской государственности.¹⁴

Сообщение о Брегалнической миссии в Успении Кирилла рассматривается Г. М. Прохоровым в связи с Солунской легендой, произведением апокрифическим, не только с моей точки зрения.¹⁵ Солунская легенда — небольшое произведение, дошедшее до нас в пяти списках.¹⁶ Повествование в нем ведется от лица уроженца Каппадокии, некоего безвестного Кирилла, который будто бы еще в VII в., проповедуя христианство среди болгар, по достаточно обоснованному предположению Г. М. Прохорова, возможно, монофизитского толка, дал им азбуку, состоящую из 32 (или 35) букв. Однако, в отличие от его тезки Константина-Кирилла Солунского, Кирилл Каппадокийский не был создателем этой азбуки, а получил ее совершенно сверхъестественным образом от птицы (врана или голубя).

Тогда кто же ее создал? В ответе на этот вопрос Г. М. Прохоров возрождает версию о создании глаголицы Иеронимом Стридонским, давно считающуюся в палеославистике легендарной, и полагает, что Кирилл Каппадокийский получил «забытый алфавит (курсив мой. — Т. И.), созданный для славян в V в. (хорваты ведь верят, что глаголица — изобретение блаженного Иеронима Стридонского...)».¹⁷ Но можно ли считать это убедительным доводом? Ведь и древние русичи верили в то, что «грамота русская явилася, Богомъ дана въ Корсунѣ градѣ русину, от него же научи ся Константинъ философъ и оттуду сложивъ и написавъ книги русскимъ языкомъ».¹⁸ А современные интерпретаторы этого сообщения считают возможным полагать, что найденные в Херсонесе Таврическом Константином-Кириллом «евангелие и псалтырь», написанные «русскими письменами», «как раз и были памятниками раннего восточнославянского глаголического письма».¹⁹ Вместе с тем этот вполне умозрительный вывод основан

¹² Лавров П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности // Труды славянской комиссии. Л., 1930. Т. 1. С. 155.

¹³ Грашчев Л. Брегалнишка мисия // Кирило-Методиевска енциклопедия. София, 1985. Т. 1. С. 237—243.

¹⁴ Флоря Б. Н. К вопросу о датировке «Успения Кирилла» // Сов. славяноведение. М., 1986. № 6. С. 63—69.

¹⁵ Петканова Л. Апокрифи // Кирило-Методиевска енциклопедия. София, 1985. Т. 1. С. 89.

¹⁶ Лавров П. А. Материалы... С. 152—153; Ангелов Б. 1) Солунская легенда // Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1967. Т. 2. С. 63—66; 2) За два преписа на «Солунската легенда» // Кирило-Методиевски студии. София, 1984. Т. 1. С. 9—20.

¹⁷ Прохоров Г. М. Глаголица... С. 196.

¹⁸ Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. СПб., 1885—1895. Т. 1. С. 309. Здесь и далее цитаты из памятников древней славянской письменности даются полужирным шрифтом в упрощенной орфографии.

¹⁹ Черных П. Я. 1) Происхождение русского литературного языка и письма. М., 1950. С. 11—13; 2) Язык и письмо // История культуры Древней Руси. М.; Л., 1951. Т. 2. С. 134.

лишь на том, что глаголические буквы находят себе подобие в до сих пор не расшифрованных знаках Северного Причерноморья.

Однако никаких бесспорных свидетельств существования глаголической письменности у славян ни в V в., ни в VII в., ни в IX в., т. е. до моравской миссии Константина-Кирилла Солунского, до нас не дошло. Все древнейшие глаголические памятники X—XI вв. связаны, чего не отрицает и Г. М. Прохоров, с деятельностью славянских апостолов, их учеников и последователей, к числу которых относится и черноризец Храбр — ревностный защитник азбуки, созданной Константином-Кириллом Солунским. Что касается связи между Солунской легендой и Успением Кирилла, то, как мне представляется, ее удачно объяснил Цв. Тодоров, который считал, что в этих произведениях оказались смешанными два разных исторических события: возможная миссионерская деятельность в окрестностях реки Брегалницы Кирилла Каппадокийского (VII в.) и создание первой славянской азбуки Кириллом Солунским (IX в.).²⁰ Ведь приписывание деяний одних лиц совершенно другим — обычное дело в древних памятниках. При этом я, конечно, не отрицаю того, что какие-то виды письма у славян до деятельности Константина-Кирилла Солунского были, и черноризец Храбр со всей определенностью их назвал: примитивное письмо («черты и рѣзы») и греческое и латинское письмо «без устройства», применявшиеся для нужд обыденной жизни. Вполне естественно, гипотеза Г. М. Прохорова не могла не вызвать отклика ученых, считающих, что создателем глаголицы был славянский апостол Константин-Кирилл.²¹

Если Г. М. Прохоров в поисках происхождения глаголицы обратил свой взгляд на Восток, то Ю. С. Степанов, рассуждая об именах букв славянских азбук, обратил его на Запад. Он обнаружил «примечательный, но до сих пор не замеченный факт: первая буква готского алфавита называется *aza*, в то время как первая буква в обеих славянских азбуках называется *азъ*».²² Однако уважаемый коллега заблуждается: не он первый увидел сходство в имени первой буквы славянского и готского алфавитов. Еще в середине XIX в. об этом писал Фр. Рачки,²³ да и в наше время его точка зрения нашла своих приверженцев.²⁴

Вместе с тем «несколько гипотез об именах букв славянских алфавитов», предложенных Ю. С. Степановым, вызвали отрицательные отклики коллег, занимающихся теми же проблемами. Так, с моей точки зрения, Л. В. Савельева абсолютно справедливо пишет: «Изучение семиотики славянской азбуки в отрыве от целей и задач, стоявших перед Кириллом, вряд ли может быть плодотворным. В этом отношении нам представляется очень искусственной гипотеза Ю. С. Степанова относительно языческой первоосновы начальной глаголической буквы *азъ* — как в ее крестообразном начертании (сложная трансформация вилообразного символа тюркского божества Тенгри в крест совершенно не убедительна), так и в исходном значении ее наименования. <...> Ю. С. Степанов возводит слово *азъ* к имени готского божества — мифического изобретателя рун».²⁵ Точно так же и Л. Б. Карпенко в своей монографии не однажды высказывает критические замечания в отношении гипотез, предложенных Ю. С. Сте-

²⁰ Тодоров Цв. Происход и авторство на славянските азбуки // Славистичен сборник. Езикознание. София, 1958. Т. 1. С. 43.

²¹ Велчева Б. Отново за глаголица // Старобългаристика. София, 2001. Т. 25. № 2. С. 16—20; Иванова Т. А. О первой славянской азбуке... С. 8—9.

²² Степанов Ю. С. Несколько гипотез... С. 28.

²³ Rački Fr. Pismo slovensko. Zagreb, 1861. S. 123.

²⁴ Leeming H. The Slavonic letter-name «jer» // Rocznik slawistyczny. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1967. Т. 28. Cz. I. S. 35.

²⁵ Савельева Л. В. Славянская азбука... С. 30.

пановым, и полностью солидаризируется с замечаниями Л. В. Савельевой.²⁶ Вот и я в докладе, прочитанном мною в марте 1995 г. на ежегодной научной конференции преподавателей и аспирантов СПбГУ, позволила себе усомниться в справедливости гипотез Ю. С. Степанова и к замечаниям своих коллег вполне могу присоединиться. Мне кажется, что «константы мировой культуры» вряд ли помогли автору уяснить структурные особенности первой славянской азбуки. Особенно произвольной и недостоверной мне представляется интерпретация, предложенная Ю. С. Степановым, первой синтагмы славянской азбуки. Его предположение, что **азъ буки вѣдѣ** первоначально означало «[Некий] Азь буквы познал»,²⁷ приводит к тому, что форма **вѣдѣ** квалифицируется как 3-е л. ед. ч. прошедшего времени (аориста), согласованная с *именем Азь*. Однако в старославянских памятниках эта форма никогда не употребляется в значении прошедшего времени, а является грамматическим синонимом к форме **вѣмь** — 1-го л. настоящего времени — и имеет бесспорные параллели в греческом и готском языках: греч. Γοῖδα, гот. wait — «я знаю».²⁸ Не менее спорно и предложенное Ю. С. Степановым объяснение более поздней формы **вѣди** как результат «глубокой ассоциативной связи» с глаголом **вѣтити** и контаминации «двух форм 3-го л. ед. ч. аориста: **вѣти** и **вѣдѣ**».²⁹ Вся цепочка гипотез, касающихся интерпретации первой синтагмы славянской азбуки, сложна, запутанна, недостоверна, чтобы быть похожей на истину, и напоминает мне судьбу дома, построенного, по евангельскому слову, «**на пѣсцѣхъ**». Вместе с тем ряд положений о соотношении азбучного имени и азбучных акrostихов, высказанных Ю. С. Степановым, кажутся мне вполне убедительными.

Обратимся теперь к работам тех исследователей, для которых глаголица является не только древнейшей славянской азбукой, но и плодом вдохновенной деятельности славянского первоучителя Константина-Кирилла Солунского, с чем я безусловно согласна.³⁰ Замечу прежде всего, что те основания, из которых исходят в своих интерпретациях Л. Б. Карпенко, Л. В. Савельева и Фр. Винке, очень близки, едва ли не тождественны. Так, уважаемый коллега из Гентского университета пишет: «Прежде всего любую проблему нужно связывать со временем и пространством. Здесь речь идет о Священной азбуке, составленной византийским духовным лицом в IX веке, которая явилась плодом глубокого религиозного и аллегорического ума. В те годы каждая вещь рассматривалась как творение Бога. <...> Азбука Константина была системой букв, изображающих не только славянские фонемы, но и нечто большее — символическое, даже мистическое как в целом, так и в своих частях».³¹ Собственно, то же самое утверждают и российские коллеги профессора Фр. Винке Л. В. Савельева и Л. Б. Карпенко, что нашло отражение даже в названии их публикаций.³² Вместе с тем исследователи, исходящие из одних и тех же постулатов, приходят к выводам, далеко не однозначным, при этом не только в частности. С чем это связано? Почему все предложенные интерпретации уважаемых коллег вызывают замечания и оказываются для читателя неубедительными?

Прежде всего, по-видимому, потому, что, «к несчастью», как это метко заметил Фр. Винке, до нас не дошла азбука Константина-Кирилла эпохи ее создания

²⁶ Карпенко Л. Б. Глаголица — славянская священная азбука... С. 54—55, 138.

²⁷ Степанов Ю. С. Несколько гипотез... С. 32—34.

²⁸ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964. Т. 1. С. 283, 312.

²⁹ Степанов Ю. С. Несколько гипотез... С. 32—33.

³⁰ Иванова Т. А. О первой славянской азбуке... С. 3—7.

³¹ Винке Фр. О происхождении и структуре... С. 115.

³² Савельева Л. В. Сакральный смысл славянской азбуки...; Карпенко Л. Б. Глаголица — славянская священная азбука...

(863 г.). А те источники, на которых основываются ее реконструкции, дошли до нас от значительно более позднего времени и, к сожалению, позволяли в прошлом и позволяют в настоящем интерпретировать их с достаточно большой долей субъективизма и произвольности.

Так, во-первых, все древнейшие глаголические памятники датируются по палеографическим и языковым особенностям концом X—XI в. Т. е. со времени создания азбуки до их написания прошло более 100 лет, и, следовательно, в памятниках могли отразиться определенные изменения и новации в алфавите, созданном первоучителем славян. Об этом писал уже и черноризец Храбр: «**Аще ли кто речеть, яко нѣсть устроиъ добрѣ, да тѣм ся постраяють и еще, отвѣтъ речемъ симъ... удобѣ бо есть послѣжде потворити, неже прѣвое сътворити**».³³ А ведь деятельность Храбра протекала в относительно близкое ко времени создания глаголицы (конец IX—начало X в.) время. Во всяком случае он застал еще в живых непосредственных учеников Кирилла и Мефодия: «**бо еще живи, иже суть видѣли их**». Сам Храбр считал, что Константин-Кирилл создал 38 букв. Однако в глаголических памятниках их насчитывается значительно больше, что подтверждает возможность позднейших нововведений. Как известно, Храбр, указав число созданных Константином букв, разделил их на две части: в первой части были перечислены 24 буквы, подобные греческим, а вторую часть составляли 14 букв, необходимых для обозначения собственно славянских звуков, которые было невозможно **добрѣ** передать, используя греческий алфавит. При этом 10 из них точно названы самим Храбром (здесь и далее звуки передаются в латинской транскрипции и заключены в квадратные скобки): [b] — **Богъ**, [ž] — **животь**, [dz'] — **сѣло**, [c] — **црькы**, [č] — **чаание**, [š] — **широта**, [ɛ̃] — **ѣдь**, [ɔ̃] — **уды**, [ʉ] — **юность**, [ɛ̃] — **языкъ**. Отметим, что в этом перечне два слова (**сѣло** и **ѣдь**) являются традиционными именами соответствующих букв глаголицы. А это позволяет предположить, что, может быть, и некоторые другие слова, приведенные Храбром, тоже являлись первоначальными именами букв. Так, например, Л. Б. Карпенко предполагает, что буква **цы** (?) представляет собой сокращенное **црькы**. В данном случае удивляет лишь постоянное на протяжении всей монографии написание этой буквы с гласным [y]: «**цы**», нарушающее фонологическую закономерность не только праславянского, но и старославянского языка.³⁴ Что касается остальных четырех букв, которые, по Храбру, также передавали собственные славянские звуки, то их отсутствие в перечне Храбра может объясняться тем, что они не могли употребляться в начале славянского слова, например **ъ** и **ь**.

Кроме данных древнейших памятников глаголической письменности и рассуждений Храбра при реконструкции азбуки, созданной первоучителем славян, исследователи опираются также на дошедшие до нас абecedарии и азбучные акростиhi. Однако и эти важные источники, к нашему сожалению, сохранились тоже в списках более позднего времени. Вместе с тем их показания, иногда противоречивые и не всегда достоверные, безусловно, могут способствовать реконструкции первого славянского алфавита.³⁵

И наконец, еще одно предварительное замечание. Конечно, глаголица — миссионерская азбука, вдохновенный плод глубоко верующего христианина и

³³ Куев К. М. Черноризец Храбр. София, 1967. С. 194. Далее Сказание Храбра цитируется именно по этому изданию, по Московскому списку № 2, имевшему глаголический протограф (С. 192—194).

³⁴ Карпенко Л. Б. Глаголица — славянская священная азбука... С. 139, 143, 167—169.

³⁵ Vrana J. O postanku i karakteru staroslovjenskih azbukvara i azbučnih molitava // Filologija. Zagreb, 1963. N 4. S. 191—204.

широко образованного человека со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но также и знающего, что еще с античных времен под алфавитом понимался строго определенный в своем количестве и порядке следования *перечень* литер, имевший свое *начало* и *конец*, т. е., подобно грекам, свою альфу и омегу. А грамматическая традиция считала, что мельчайшая единица языка должна была получить в алфавите три воплощения: начертание (*figura*), фонетическую и числовую значимость (*potestas linguae*) — «**силу рѣчи**», как это сказано в VIII главе Жития Кирилла, и имя (*nomen*). Однако все эти параметры первого славянского алфавита издавна являлись предметом многочисленных дискуссий, результат которых почти всегда имел гипотетический характер. Собственно на уровне гипотез и не более того остаются и предложенные вниманию читателя новые исследования об азбуке первоучителя славян.

Но начнем по порядку, с количества графем, входивших в первоначальную глаголицу. Л. Б. Карпенко, основываясь на утверждении Храбра и подтверждая его Мюнхенским абecedарием, считает, что их было 38. Фр. Винке, исходя из того, что Константин-Кирилл в основу своей азбуки положил число 3, символизирующее Троицу (Бога Отца, Сына и Святого Духа), полагает, что их было 36.

Разделяя точку зрения бельгийского слависта, должна заметить, что первыми, кто обосновал число букв глаголицы в количестве 36, были Н. Н. Дурново и Н. С. Трубецкой.³⁶ Н. С. Трубецкой разделил это число, как известно, на четыре группы, первая из которых включала *единицы*, вторая — *десятки*, третья — *сотни* и четвертая — *тысячи*. При этом оказалось, что первая буква каждой группы имела одинаковое цифровое значение в обеих славянских азбуках: **азъ** — 1, **иже** — 10, **рѣчи** — 100, **чрьвь** — 1000. Однако внутри каждой из групп такого совпадения уже не могло быть, потому что кириллица следовала в передаче цифрового значения букв греческой (ионической) системе счисления. Порядок же букв глаголицы зависимости от греческого алфавита не имел, так как был установлен ее создателем Константином-Кириллом, а затем унаследован вторым славянским алфавитом — кириллицей.³⁷ Точка зрения Н. Н. Дурново и Н. С. Трубецкого находит себе подтверждение и в древнейших азбучных акростихах, основанных на глаголической азбуке, число азбучных стихов в которых равно 36.³⁸ Следует также отметить, что предположение Н. Н. Дурново и Н. С. Трубецкого разделяли такие известные палеослависты, как А. Вайан,³⁹ В. Ткадльчик⁴⁰ и др. Вместе с тем естественно возникает вопрос, как соотносить это число с неоднократным указанием Храбра, что в азбуке, созданной Константином-Кириллом, было 38 букв. Ответ на этот вопрос дает сам Храбр в своем Сказании, полагая, что и греческий алфавит состоял также из 38 знаков. Так, по Храбру, во-первых, к известным всем 24 буквам от А до Ω, которых не хватало для передачи всех чисел до 1000, греки добавили еще три эпиграфа: Σ стигму — 6, Ϛ коппу — 90 и Ξ сампи — 900. Во-вторых, к 27 знакам было добавлено еще 11 «двогласных», т. е. диграфов, что в сумме (24 + 3 + 11) и составляет число 38: «**тъмже тому подобно, и въ тои образъ сътвори ть ѿны кириль-л-писмень и**

³⁶ Дурново Н. Н. 1) Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов // Byzantinoslavica. Praha, 1929. Т. 1. С. 83; 2) Мюнхенский абecedарий // Известия АН СССР (отд. гуманитарных наук). Л., 1930. Сер. 7. С. 220—221; Trubetzkoy N. S. Alt-kirchenslavische Grammatik. Wien, 1954. S. 17—22.

³⁷ Иванова Т. А. О названиях славянских букв... С. 53—55.

³⁸ Соболевский А. И. Древние церковнославянские стихотворения IX и X веков // Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910. С. 9—10, 13—15.

³⁹ Vaillant A. L'alphabet vieux-slave // RÉS. Paris, 1955. Vol. 32. P. 7—31.

⁴⁰ Tkadlčik V. System hláholské abecedy // Studia palaeoslovenica. Praha, 1971. S. 357—377.

осмь». ⁴¹ Однако, вопреки подсчетам Храбра, «двоегласные» ни в один из алфавитов трех священных языков (древнееврейского, греческого и латинского) не входили, как и в другие миссионерские азбуки раннего средневековья. Хотя, конечно, на практике они могли быть использованы для передачи некоторых звуков, как это было в греческой и славянской письменности. Таким образом, все разнообразие реконструкции древней глаголицы как алфавита, включающие диграфы (**оу**, **ы**, а также «юсы»), не могут быть признаны состоятельными. Это относится не только к реконструкции Л. Б. Карпенко, следовавшей за Храбром, но к реконструкциям Фр. Винке и Л. В. Савельевой, которые также включают диграфы в азбуку, созданную Константином-Кириллом Солунским.

Обратимся теперь к порядку следования букв в глаголической азбуке. Самые серьезные мои замечания в этом случае относятся также к реконструкции, предложенной Л. Б. Карпенко. Прежде всего потому, что в ее работах мы не находим достаточных обоснований для принятого ею порядка следования букв в глаголице. Более того, в ее работах мы сталкиваемся с не разъясненными читателю противоречиями. Так, существенно различается порядок букв, данный в одной из первых ее публикаций, ⁴² от того порядка, который представлен в автореферате диссертации на соискание ученой степени доктора наук. ⁴³ В первой публикации буква **θ** в азбуку не включена, что, с моей точки зрения, вполне закономерно, так как этот знак употребляется в глаголических памятниках крайне редко и только в заимствованных из греческого языка словах, т. е. сохраняет написание источника заимствования. В последней публикации эта буква уже включена в состав первоначальной глаголицы и занимает в нем 35-е место. Однако ни место этой буквы в алфавите, ни тем более ее включение в него, не подтвержденные ни Храбром, ни абецедариями, ни акростихами, никаких разъяснений не получают. Точно такое же несоответствие в этих публикациях Л. Б. Карпенко находим и в отношении «юсов», три из которых были диграфами. Первая работа включала *четыре* знака для носовых гласных, которыми, с точки зрения автора, завершалась азбука Константина-Кирилла (№ 35, 36, 37, 38). В автореферате их уже *три*, при этом два знака завершают азбуку (№ 37, 38), а третий занимает 34-е место. Однако такое расположение этих букв противоречит как данным Храбра, ⁴⁴ так и показаниям акростихов, в которых содержится указание лишь на *две* буквы для [ɔ] и [e]. ⁴⁵

Особенно спорной представляется мне реконструкция некой «эмблемы», предложенной, с точки зрения Л. Б. Карпенко, в глаголическую матрицу и заключающей «в себе доктрину православия, графически выраженный „символ веры“, утверждение вечной славы Спасителя». ⁴⁶ Воссоздание этой «своеобразной эмблемы» — **Ѡ Ѧ Ѣ Ѥ** основано Л. Б. Карпенко на последовательности 10-й, 20-й, 30-й и 33-й букв в глаголице. Однако только одна из этих четырех букв, а именно **слово** — **Ѡ**, бесспорно занимала в азбуке Кирилла 20-е место. Связь остальных букв «эмблемы» с их местом в алфавите, установленным Л. Б. Карпенко, вызывает обоснованные сомнения.

Так, буква «иже на круге», состоящая из тех же элементов (треугольника и круга), что и **слово**, но расположенных иначе — **Ѧ**, занимала в азбуке не 10-е, а 11-е место, что подтверждается Преславским, Парижским и Мюнхенским абе-

⁴¹ Куев К. М. Черноризец Храбър. С. 193.

⁴² Карпенко Л. Б. Христианские символы в первой славянской азбуке // Духовный собеседник. Журнал Самарской епархии. 1995. № 1. С. 51.

⁴³ Карпенко Л. Б. Глаголица как семиотическая система. С. 29.

⁴⁴ Куев К. М. Черноризец Храбър. С. 193.

⁴⁵ Соболевский А. И. Древние церковнославянские стихотворения... С. 10, 15.

⁴⁶ Карпенко Л. Б. Глаголица как семиотическая система. С. 25.

цедариями.⁴⁷ 10-е же место в этих абecedариях занимает буква «иже на треугольнике» — **Ѧ**. И для читателя остается загадкой, на основании чего Л. Б. Карпенко эти буквы поменяла местами. Точно так же дискуссионно размещение на 30-м месте «ера» и особенно на 33-м «паукообразного» [ch], но об этом ниже.

Не удовлетворяет меня и реконструкция азбучного акростиха Л. В. Савельевой, так как уважаемая коллега исключила из нее буквы, занимавшие в алфавите Кирилла 11-е и 12-е места: «иже на круге» и «дєрвь (гєрвь)».⁴⁸ А ведь их исключение привело к нарушению принципа троичности синтагмы, заложенного Кириллом в буквенный именник глаголицы, и сделало, с моей точки зрения, весьма сомнительной интерпретацию Напутственного слова первоучителя славян, предложенную Л. В. Савельевой.⁴⁹

Не убеждает меня и «построение, составленное из двух последовательных, взаимодополняющих систем — систем акростиха и идеограмм» Фр. Винке.⁵⁰ Так, например, удивляет включение в алфавит Кирилла буквы **шта**, занимающей в реконструкции Фр. Винке 26-е место. Думается, что в первоначальной глаголице этой буквы не было, а 26-е место занимала буква, названная Храбром **пѣ**, наличие которой и ее 26-е место в алфавите подтверждают как ее цифровое значение, так и акростихи: **Печаль мою на радость прѣблѡжи** — Азбучная молитва Константина Преславского и **Пѣсньми ти пою, припадаю** — Азбучная молитва по списку ярославского Спасо-Преображенского монастыря.⁵¹ И конечно, правы Л. Б. Карпенко и Л. В. Савельева, включившие в свои реконструкции букву **пѣ**.

Наконец, последнее мое замечание о порядке букв в глаголице относится к вопросу о том, какая буква завершала алфавит, созданный первоучителем. И Л. Б. Карпенко, и Фр. Винке заканчивают свои реконструкции буквой «юс малый». Однако эта точка зрения, основанная на перечне Храбра и Мюнхенском абecedарии, уязвима уже потому, что «юс малый» был диграфом — **ѤѦ** и первоначально в азбуку не входил, как об этом уже было сказано. Н. С. Трубецкой в свое время предполагал, что последней буквой глаголицы был «носовой» согласный — призвук **Н**, который фонологически отличался от звука, передававшегося буквой **нашь**, и первоначально служил лишь для обозначения назализации гласных [о] и [е], превращая их в «юсы»-диграфы. Действительно, знак **Ѥ** (N, по Трубецкому) мог употребляться в качестве звука [н]. Так, в Синайской псалтыри зафиксировано неоднократное употребление его в слове **ангель**.⁵² Показательно, что в этом же памятнике отсутствует употребление **Ѥ** в значении [е]. Последний звук в Синайской псалтыри передается только диграфом, о чем в свое время писал уже И. В. Ягич.⁵³ Более того, как это показал Ив. Добрев, по видимому, Константин-Кирилл носовые гласные передавал даже не диграфами, а отдельным двубуквенным написанием, что хорошо согласуется с диалектным произношением их в солунских говорах.⁵⁴ Хотя впоследствии точку зрения Н. С. Трубецкого разделяли многие палеослависты, однако мне представляется, что не буква **Ѥ** завершала азбуку, созданную Константином-Кирил-

⁴⁷ Велчева Б. Абecedар // Кирило-Методиевска енциклопедия. София, 1985. Т. 1. С. 23—24.

⁴⁸ Савельева Л. В. Славянская азбука... С. 22—25.

⁴⁹ Иванова Т. А. О новой интерпретации славянского азбучного именника как текста // Научные доклады СПбГУ. 1999. С. 3—8.

⁵⁰ Винке Фр. О происхождении и структуре... С. 126.

⁵¹ Соболевский А. И. Древние церковнославянские стихотворения... С. 10, 14.

⁵² Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI века (изд. С. Северьянова). Пг., 1922. С. 183.

⁵³ Ягич И. В. Глаголическое письмо // Энциклопедия славянской филологии. СПб., 1911.

Вып. 3. С. 212.

⁵⁴ Добрев Ив. В защита на глаголическите писмена // Български език. София, 1969. № 3. С. 241—246.

лом. Так, еще в 1978 г. Б. Велчева высказала предположение, что «может быть, название **тъ** у Храбра относилось к букве **Т** — крест в конце алфавита (срв. **Т** — в начале)». ⁵⁵ Следуя за Б. Велчевой, Ив. Добрев в 1980 г. опубликовал статью «Знак **т** в глаголических текстах», в которой отметил употребление этого знака в Синайской псалтыри. ⁵⁶ Сама эта буква, как и *первая* буква глаголицы, являясь христианским символом *креста*, восходит к древнееврейской *tav*, завершившей древнееврейский алфавит и имевшей магический и сакральный смысл. Далее Ив. Добрев обращает внимание читателя на Откровение Иоанна Богослова, в котором неоднократно читается «**Азь есмь А(льфа) и Ω(мега), начало и конецъ...**» (1:8; 21:6; 22:13), что соответствует греч. ἐγὼ εἰμι τὸ Α καὶ τὸ Ω, ἀρχὴ καὶ τέλος. Поэтому вполне вероятным представляется то, что одна из трех загадочных букв, упомянутых Храбром (**пѣ, хль, тъ**), по-видимому, являлась сокращением греч. τέλος — ‘конец’ и *завершала* собой азбуку Кирилла. Знаменательно, что в Азбучной молитве по списку ярославского Спасо-Преображенского монастыря XII в. последний, завершающий 36-й стих начинается с **т: тебѣ бо лѣпо есть чѣсть и покланяние**». ⁵⁷

Примечательно, что в старшей разновидности русских Азбуковников, опубликованной Л. С. Ковтун, текст Апокалипсиса, указанный выше, сопровождается таким знаменательным толкованием первой и последней букв греческого алфавита: «и **первы(м) азбучны(м) слово(м)** (т. е. Альфой. — *Т. И.*) **прообразует Хр(с)та, перва суша бж(с)ва ради, а послѣ(д)ни(м) словце(м) еже е(с) ѱ, являе(т) хѧ, послѣ(д)ня члѣства ради**». ⁵⁸ Думается, что это толкование первой и последней букв греческого алфавита не является плодом деятельности составителя Азбуковника, а заимствовано им у некоего не известного нам раннехристианского теолога, однако, по-видимому, известного первоучителю славян, который смог идеографически воплотить эту идею в своей азбуке, начав ее с креста и закончив тем же знаком.

Таким образом, в заключение раздела о количестве и порядке следования букв в глаголическом алфавите приходится признать, что реконструкции Л. Б. Карпенко, Фр. Винке и Л. В. Савельевой в значительной степени субъективны и произвольно гадательны.

Рассмотрим теперь те три воплощения букв глаголицы, о которых речь шла выше.

1. После публикации В. Р. Кипарского о работе его ученика Г. Чернохостова, безвременно ушедшего из жизни, многие палеославысты приняли идею последнего об идеографичности букв глаголицы. Разделяю эту точку зрения и я, как это следует из вышеизложенных мною соображений о последней букве глаголицы. Приверженцами ее являются также Л. Б. Карпенко и Фр. Винке. Однако согласиться с их резко различающимися интерпретациями идеограмм глаголических знаков совершенно невозможно, так как, к сожалению, они преимущественно основаны на «принципе»: каждый видит то, что видит, без достаточных попыток убедить в этом видении других. Так, например, Л. Б. Карпенко в 3-й букве глаголицы увидела зодиакальный знак *овна* — символ Агнца Божия, т. е. Иисуса Христа, ⁵⁹ а Фр. Винке — «Символ Святого Духа» — *голубя*, «кото-

⁵⁵ Велчева Б. 1) Которые 38 букв создал Константин Философ? // Славянские культуры и Балканы. София, 1978. Т. 1. С. 61; 2) Абецедар. С. 25.

⁵⁶ Добрев Ив. Знак **Т** в глаголических текстах // Език и литература. София, 1980. № 2. С. 40—43.

⁵⁷ Соболевский А. И. Древние церковнославянские стихотворения... С. 15.

⁵⁸ Ковтун Л. С. Азбуковники XVI—XVII вв. Старшая разновидность. Л., 1989. С. 144—145.

⁵⁹ Карпенко Л. Б. Глаголица — славянская священная азбука... С. 142.

рый сходит с Неба с развернутыми крыльями». ⁶⁰ Эту идеограмму Фр. Винке еще усматривает в начертании и других букв глаголицы (глаголи, добро, живѣте, сѣло, земля, людие, мыслите и др.), считая, что крыло — это «важная тема в византийской мистике». ⁶¹ Однако в интерпретации Л. Б. Карпенко эта «важная тема» вообще не усматривается. Сама же Л. Б. Карпенко удивила читателя тем, что в начертании глаголического «ера» увидела сходство с эмбрионом человека, полагая, что Константин-Кирилл, будучи образованным человеком своего времени, был сведущ и в этой области знания. ⁶²

Таким образом, расшифровка идеограмм глаголицы, предложенная Л. Б. Карпенко и Фр. Винке, с моей точки зрения, страдает ярко выраженным субъективизмом и вызывает большие сомнения, о чем еще раз будет сказано далее.

2. Что касается фонетической / фонологической значимости глаголических знаков, то она оказалась почти вне поля зрения всех авторов рассматриваемых работ, о чем приходится только сожалеть. Например, Ю. С. Степанов однажды попытался объяснить фонетическую / фонологическую разницу в произношении звука [ch], чем и объясняется наличие в глаголице двух букв для этого звука. Он полагает, и не без оснований, что одна из этих букв передавала аспирату, как в греческом «Χι», а вторая — славянский спирант. Однако Ю. С. Степанов недоумевает: «Но какому из них соответствует имя **хѣрь**? Этот вопрос остается открытым». ⁶³ Для меня же этот вопрос представляется давно закрытым, так как само имя **хѣрь** показывает, что так называлась буква, передававшая не свойственный славянской фонологической системе звук [ch']. Будучи заднеязычным спирантом, этот звук еще в праславянский период подвергся изменениям по I и II палатализациям, как и другие заднеязычные [k] и [g], а именно по I палатализации [ch'] > [š'], а по II палатализации [ch'] > [s']. Поэтому естественно полагать, что буква **хѣрь**, имя которой нарушало фонологические закономерности праславянского языка, занимала в глаголице 24-е место, входя в трехтактовую синтагму, состоящую из букв, которые, так же как и **хѣрь**, передавали чуждые славянской фонологической системе звуки: [ʔ] — **икъ**, [f] — **фрьтъ**.

Справедливым представляется и вывод Ю. С. Степанова о том, что первоначально буква **хѣрь** встречалась «естественно только в заимствованных словах», но в дальнейшем употребление двух букв для [ch] «становится случайным, а знак № 24 довольно быстро исчезает». ⁶⁴ Иначе говоря, Ю. С. Степанов полагает, что 24-е место в алфавите занимала та графема, за которой традиционно закрепилось название «паукообразный хер», так как именно знак **ѣ**, как об этом свидетельствуют древнейшие памятники глаголической письменности, вышел из употребления.

3. Обратимся теперь к именам букв одного из важных воплощений мельчайшей единицы языка еще с античных времен. В гипотезах, предложенных Л. Б. Карпенко и особенно Фр. Винке и Л. В. Савельевой, имена славянских букв занимают важное место. В монографии Л. Б. Карпенко им специально посвящена 2-я глава, ⁶⁵ да и в других главах книги автор постоянно уделяет им внимание. Естественно, что в работах Фр. Винке и Л. В. Савельевой, попытавшихся восстановить первоначальный текст буквенного именника — Напутственное слово первоучителя, они занимают центральное место. Однако во всех работах

⁶⁰ Винке Фр. О происхождении и структуре... С. 122.

⁶¹ Там же.

⁶² Карпенко Л. Б. Глаголица — славянская священная азбука... С. 110—111.

⁶³ Степанов Ю. С. Несколько гипотез... С. 43.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Карпенко Л. Б. Глаголица — славянская священная азбука... С. 41—58.

этих авторов удивляет почти полное отсутствие попыток доказать, что именно эти, а не, возможно, другие имена были даны Константином-Кириллом созданным им буквам. Показательно в этом смысле утверждение Л. В. Савельевой, «что ни одно из буквенных названий старшей глаголицы не изымалось и не видоизменялось, а семантизировалось в той словоформе, в которой зафиксировано древними источниками и традицией».⁶⁶ Попытаюсь доказать, что это утверждение является заблуждением уважаемого автора. Так, например, традиционным именем 2-й буквы глаголицы было **буки**. Однако это имя, сама его грамматическая форма, вызывает сомнения и по-разному интерпретируется авторами рассматриваемых гипотез. Так, Ю. С. Степанов⁶⁷ и Фр. Винке⁶⁸ считают, что это форма винительного падежа *множественного* числа. Действительно, ведь не об *одной* же букве идет речь при обучении грамоте?! С точки зрения историка русского языка Л. В. Савельевой, это форма *единственного* числа именительного падежа, употребленная в функции винительного, в соответствии с чем первая синтагма славянского буквенного имени переводится как «я грамоту познаю».⁶⁹

Однако обращение к источникам, на основании которых может быть определено имя 2-й буквы глаголического алфавита, убеждает, что ближе к истине все-таки Ю. С. Степанов и Фр. Винке. Так, в Парижском абецедарии вместо традиционного **буки** находим *bosobi*, что, конечно, является латинской транслитерацией формы вин. п. *множественного* числа — **букъви**. По-видимому, это слово первоначально, как и **кънигы**, относилось к категории *pluralia tantum*, т. е. к словам, не имевшим первоначально форм единственного числа. Показательно, что именно в этой форме данное слово засвидетельствовано в Зографском и Маринском евангелиях, где оно имеет значение ‘запись’, ‘расписка’: «**прими боукъви твоя и напиши**» (Лк. 16:6—7). Примечательно, что по данным словарей, основанных на более широком круге памятников, это слово засвидетельствовано также лишь в формах множественного числа.⁷⁰

Таким образом, традиционное имя 2-й буквы — **боуки** не могло быть первоначальным и, вероятно, возникло позже в школьной практике. Однако, возможно, что засвидетельствованное Парижским абецедарием имя 2-й буквы глаголицы тоже не было изначальным. Во всяком случае в известных азбучных акростихах 2-й стих никогда не начинается с этого слова, хотя, конечно, 2-й стих всегда начинается со слов с начальным звуком [b], причем преимущественно со слова **Богъ**. Так, например, это слово читается в Азбучной молитве Константины Преславской: **Боже въся твари и зиждительно**,⁷¹ в толковой азбуке **Азь есмь всему миру свѣтъ: Богъ есмь прѣжде всѣхъ вѣкъ**, в гимне Троице: **Богъ бо есмь**⁷² и др. Кроме того, именно этим словом начинается перечень Храбра, содержащий слова, которые нельзя было «**добрѣ**» передать греческими буквами. Поэтому вполне возможно, что первоначально имя 2-й буквы глаголицы, данное ее создателем, было **Богъ**. Но, чтобы не употреблять *все* сакральное имя, оно было в практике обучения заменено словом **букъви**. Замечу, что об этом писал и В. Ф. Мареш.⁷³ Произошла эта замена, по-видимому, уже в Моравии, так как

⁶⁶ Савельева Л. В. К интерпретации... С. 3.

⁶⁷ Степанов Ю. С. Несколько гипотез... С. 32.

⁶⁸ Винке Фр. О происхождении и структуре... С. 119.

⁶⁹ Савельева Л. В. К интерпретации... С. 3.

⁷⁰ Срезневский. Материалы. Т. 1. Стб. 192; Slovník jazyka staroslověnského. Praha. N 4. S. 148.

⁷¹ Куев К. М. Азбучная молитва в славянских литературах. София, 1974. С. 188.

⁷² Демкова Н. С., Дробленкова Н. Ф. К изучению славянских азбучных стихов // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 54, 57, 58, 59.

⁷³ Mareš F. V. Azbučná básně z rukopisu Státní veřejné knihovny Saltykova-Šchedrina v Leningradě // Slovo. Zagreb, 1964. N 14. S. 17, 19, 24.

имеются достаточные основания считать слово **букъви** моравизмом.⁷⁴ Показательно и то, что Храбр, защищая азбуку, созданную первоучителем славян, в своей апологии употребляет в значении «буква» только слово **писма**.

Следовательно, утверждение Л. В. Савельевой о том, «что ни одно из буквенных названий старшей глаголицы не изымалось и не видоизменялось», с моей точки зрения, лишено оснований. Напротив, обращаясь к именам глаголицы, в особенности к реконструкции буквенного именника как текста, следует предполагать, что традиционные имена не всегда являются первоначальными. Остановлю внимание читателя еще на двух примерах.

Прежде всего на имени 22-й буквы славянского алфавита, традиционное название которой было **оукъ**. Именно из этого имени исходят в своих реконструкциях буквенного именника как текста и Л. В. Савельева, и Фр. Винке, толкуя это слово как «учение». Однако ни в одном из старославянских памятников употребление этого слова не засвидетельствовано. В них всегда и исключительно употребляется только **оучение**. Кроме того, звук [u] передавался в обеих славянских азбуках по греческому образцу диграфом, а поэтому, как было сказано, в алфавит первоначально не входил и имени, следовательно, не имел. В алфавите его место занимала буква, представлявшая вторую часть диграфа и соответствовавшая греч. «ипсилону», которая называлась **икъ**. Именно это имя засвидетельствовано двумя абecedариями и длительной вплоть до XIX в. традицией. Так, это имя «*hic*» находим в Парижском абecedарии, а в абecedарии Бандури *ѣк*.⁷⁵ Подтверждается это первоначальное имя 22-й буквы древними азбучными стихами, которые начинаются с гречизма **ипостась** в соответствии с греческим «ипсилоном» — *ἰπόστασις*: **ипостась же всякую цѣлиши** (Азбучная молитва Константина Преславского);⁷⁶ **ипостась си осквернихъ злѣ** (Азбучная молитва по списку ярославского Спасо-Преображенского монастыря)⁷⁷ и др. Что касается имени **оукъ**, то оно относительно позднего происхождения. Так, Б. А. Успенский, посвятивший в своей монографии этому вопросу специальный раздел, считает, что это имя спорадически появляется лишь с XV в.⁷⁸ Подтверждается такая датировка и поздними югославянскими абecedариями. Так, например, название «*ouq*» находим в Турском абecedарии, рукописи начала XV в.⁷⁹ Более того, в русских букварях первой половины XVIII в. все еще находится **икъ**. Показательно и любопытно, что в Сказании Храбра по изданиям Н. И. Новикова (1776 и 1791 гг.) в списке букв, подобных греческим, вместо графемы дано лишь имя буквы: «...т, **икъ**, ф, х...».⁸⁰

Таким образом восьмая трехтактовая синтагма глаголицы, состоящая из 22-й, 23-й и 24-й букв, возможно, представляла закодированный текст, ключ к дешифровке которого находится в греческом языке, так как все эти буквы обозначали звуки, чуждые славянской фонологической системе: [ü] — **икъ/укъ**, [f] — **фрьтъ / фертъ**, [ch'] — **хѣръ / херь**. Первая попытка такой дешифровки содержится в статье под знаменательным названием «Славянский алфавит — кредо» К. Эрикссон, предложившей такое прочтение этой синтагмы: **Оѹк фѣртерос**

⁷⁴ Львов А. С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966. С. 153–157.

⁷⁵ Велчева Б. Абecedар... С. 21, 23.

⁷⁶ Куев К. М. Азбучната молитва... С. 188.

⁷⁷ Соболевский А. И. Древние церковнославянские стихотворения... С. 14.

⁷⁸ Успенский Б. А. Архаическая система церковнославянского произношения. М., 1968. С. 9–16.

⁷⁹ K o s M. Slovanski teksti v kodeksu 95 mestne biblioteke v Toursu // Slavia. Praha, 1924. R. 3. S. 389.

⁸⁰ Куев К. М. Черноризец Храбър. С. 412.

Христоу.⁸¹ Однако ни Фр. Винке, ни Л. В. Савельева, пытавшиеся реконструировать первоначальный текст буквенного именника — «Напутственное слово» первоучителя, на эту фонетическую особенность восьмой синтагмы **укъ, фрьтъ, хѣрь**, лежащую, казалось бы, на поверхности, не обратили должного внимания. Поэтому интерпретации этой синтагмы, включающие не изначальный **укъ**, а более поздний **оукъ**, не могут считаться корректными.

Следующее мое замечание относится к букве, имя которой у Храбра скрыто в сокращении **хль**. В исследованиях о глаголическом алфавите имя **хль** раскрывается как **хльмъ**, иногда сопровождающееся знаком вопроса — **хльмъ (?)**. Сразу замечу, что ни в абecedариях, ни в азбучных акростихах это слово в качестве предположительного названия буквы не засвидетельствовано. Терминологическое употребление его у разных исследователей в качестве имени буквы основано лишь на том, что «паукообразный» знак употребляется только в этом слове: три раза в Синайской псалтыри (Пс. 64:19 и 113:2, 7) и один раз в Ассеманиевом евангелии (Лк. 3:5), где оно употреблено в цитате из кн. пророка Исаии (40:35). К этим фактам надо присоединить еще и ошибочное написание того же слова с буквой **отъ**: **олъми** в псалме 71:11, что явилось несомненным следствием не только близости начертаний «паукообразного» знака и буквы **отъ**, но также и следования их в алфавите одного за другим (№ 24 и 25). Этим же обстоятельством может быть объяснено и то, что в Парижском абecedарии «паукообразной» букве было приписано имя «от». Этими примерами исчерпывается употребление «паукообразной» буквы в памятниках глаголической письменности. Думаю, что их все же недостаточно, чтобы считать слово **хльмъ** именем этой буквы. Недаром же В. Ткадльчик высказал предположение, что буква, обозначавшая собственно славянский спирант [ch] и стоявшая после **ѣдъ**, называлась ***хлѣбъ**.⁸² Само собою разумеется, что, в отличие от буквы **хѣрь**, употреблявшейся, как было сказано, только в заимствованных словах и передававшей чуждый славянской речи [ch'], буква, предположительно названная **хльмъ**? / ***хлѣбъ**, была частотна и, безусловно, ее употребление никак не могло быть ограничено словом **хльмъ**. Конечно, эта частотная буква — **ѣ** стояла в конце алфавита, занимая 33-е место, т. е. там, где были расположены и другие буквы, обозначавшие собственно славянские звуки, а именно после буквы **ѣдъ** **Д**, что убедительно подтверждается древнейшими азбучными стихами:

А вѣ сътворю евангельско слово
Ѣ хвалу въздая Троици... (Азбучная молитва Константина Преславского)
Д ко сии родомъ милостивъ Богъ

.....
Ѣ хвалами тя прославию (Азбучная молитва по списку Спасо-Преображенского монастыря).

Все сказанное еще раз показывает, на каких зыбких основаниях создана «эмблема», открытая Л. Б. Карпенко по установленной ею весьма произвольной последовательности букв 10-й, 20-й, 30-й и 33-й. Если действительно места этих букв имели в алфавите сакральное значение, приписываемое им. Л. Б. Карпенко, то «эмблема» должна была бы иметь вид: **Ѣ** (?) **Ѣ**, расшифровывать который я не берусь.

Не менее спорным и совершенно не убедительным в свете сказанного выше представляется «глубинный понятийный план», установленный Л. Б. Карпенко

⁸¹ Ericsson K. The Slavonic Alphabet a Credo // Das heidnische und christliche Slaventum. Wiesbaden, 1970. Bd 2. S. 105—120.

⁸² Tkaďčik V. System hláolské abecedy. S. 378.

«при комплексном подходе» к знаку **Ѣ**, к его порядковому номеру и имени **хльмь**.⁸³ Причем для подтверждения «глубинного понятийного плана» Л. Б. Карпенко обращается к данным толковой Болонской псалтыри, так как именно «в ее контексте» «аллегорический образ Холма» определяется «как один из самых значимых символов Христа». Однако толкования в Болонской псалтыри, приписанные Афанасию Александрийскому, совершенно об этом не говорят. Так, словам **да примуть горы миръ людей и хльми правду** (71:3) дается такое толкование: **Горы суть пр(оро)ци... хльми же ап(осто)ли**. А на полях рукописи приписка писца: **обою же х(ристос)ъ есть**. Из этого следует только лишь, что *пророки* — **горы** предсказали пришествие Мессии — Христа Спасителя, а *апостолы* — **хльми** проповедовали его учение народам. А слова **и радостию хльми прѣпоишуться** (64:13) толкуется следующим образом: **Ап(остол)ы хльмы б(о)жи я кнѣигы наричуть**,⁸⁴ т. е. Священное Писание (Божьи книги) называется *апостолов* холмами. Естественно, что подобное же толкование встречается и в других памятниках древнеславянской письменности. Например, в толковом переводе Песни песней (2:8) читается: **Горамъ бо подобятъ пр(ор)оци и холмомъ ап(с)ли**.⁸⁵ То же самое находим и в ветхозаветном апокрифе Сон царя Иоаса в Изборнике **от многъ о(ть)ць тълкованы** по рукописи XIII в. РНБ, Q.p.I.18, л. 2: **Т. горы соуть пр(оро)ци а хльми ап(осто)ли**.⁸⁶ Так неужели более права Л. Б. Карпенко, сторонница семиотического подхода в изучении глаголицы, современный ученый, блуждающий в теологических и мистических потемках, чем средневековые экзегеты?! Думается, что все же предпочтение мы должны оказывать им.

Отмечу еще досадные неточности, с которыми пришлось встретиться в работах Л. Б. Карпенко, в отношении имен букв первого славянского алфавита. Так, Л. Б. Карпенко пришла к выводу, что имена букв «характеризуются семантической разнообразностью». Одни из них «ассоциируются с возвышенными, идеальными, ...образами», другие связаны в своих прямых значениях с обозначением «недостойных предметов», «тварного мира».⁸⁷ К моему удивлению, во вторую группу попал воистину злополучный **хѣрь**. Неужели Л. Б. Карпенко считает, что фаллическое значение этого слова было первичным? Совершенно неубедительно и произвольно толкование имени **како** (вопросительного наречия) как знака отпадения, символизирующего «точку зла, точку дьявола», и сопоставление этого слова с греч. *κακία, κάκη* — зло, порок.⁸⁸ О неубедительности написания буквы **цы** уже было сказано.

Из всего сказанного вытекает, что для меня не представляются убедительными ни «глаголическая модель вселенского круга» (Универсума), ни «календарная символика глаголицы», составляющие пафос исследований Л. Б. Карпенко.

4. Заканчивая свой обзор, хочу еще кратко остановиться на интерпретациях буквенного именника как текста, на попытках восстановить Напутственное слово создателя глаголического алфавита Константина-Кирилла, чему посвящены работы Л. В. Савельевой и Фр. Винке. Собственно, и Ю. С. Степанов считает также, что буквенный именник представлял *текст*, предшествовавший появлению азбучных акростихов. И в этом случае его полемика с Н. С. Трубецким

⁸³ Карпенко Л. Б. 1) Глаголица — славянская священная азбука. С 118—119, 2) Глаголица как семиотическая система С 24.

⁸⁴ Болонски псалтир Български книжовен паметник от XIII век. София, 1968. С 233, 206

⁸⁵ Алексеев А. А. Песнь песней в древней славяно-русской письменности СПб., 2002 С 77

⁸⁶ Wątrobska H. The Izbornik of the XIIIth century // Полата књигописана. Nijmegen, 1987 N 19—20 P 2, Куев К. Иван Александровият сборник от 1348 г. София, 1981 С 384

⁸⁷ Карпенко Л. Б. Глаголица — славянская священная азбука С 77, 83

⁸⁸ Там же. С 156

вполне убедительна.⁸⁹ Однако сам он ограничился лишь первой синтагмой, а ее трактовка вызвала отрицательные отклики Л. В. Савельевой и Л. Б. Карпенко, к которым присоединилась и я, о чем уже было сказано. Л. В. Савельева также считает, что нельзя в азбучном именнике видеть «рудимент акростиха», созданного самим первоучителем славян, так как ни один из азбучных акростихов, дошедших до нас, не может быть атрибутирован Константину-Кириллу, «и поэтому нельзя одно неизвестное (принцип и смысл азбучных наименований) объяснить через другое неизвестное (предполагаемую молитву)».⁹⁰ В свою реконструкцию она включила только те буквы, которые входили в глаголическую цифирь от единицы до тысячи, т. е. от **азъ** до **чрьвь**, исключив, к удивлению, из нее 11-ю и 12-ю буквы. А это, к сожалению, как это было сказано, привело к нарушению принципа троичности синтагмы, заложенного в буквенный именник и со всей очевидностью в нем проявленного, и сделало предложенную реконструкцию достаточно спорной, а включение в нее диграфа **оукъ** — ‘учение’ для меня и вообще неприемлемой.⁹¹

Фр. Винке попытался восстановить азбучный акростих Константина-Кирилла для всех 36 букв глаголицы, причем не только по горизонтали, но, следуя византийской традиции, и по вертикали. С сожалением должна признать, что коллегу из Гентского университета на этом пути также постигла неудача. И прежде всего потому, что даже традиционно сохранившиеся имена букв он заменил без должных к тому оснований другими, произвольно им выбранными. Так, вместо **фрьтъ** появляется невозможное **фатаеть**, вместо **отъ** — **отыць**, вместо **чрьвь** — **чую** и т. п.⁹² Особенно неубедительной представляется мне реконструкция Фр. Винке конца славянского алфавита, так как в этой части оказались буквы, которые, может быть, изначально не имели имен, а получили их лишь в позднейшей школьной практике. Наконец, вполне возможно, что единого текста буквенный именник и не представлял, а Напутственное слово Константина-Кирилла, состоявшее из нескольких трехтактовых синтагм, сводилось к нравственным пожеланиям первоучителя в духе христианского вероучения, наставлениям-апофтегмам народу, приобщавшемуся к христианству посредством письменности.

Полвека тому назад, заключая рассмотрение работ, посвященных вопросам появления письменности у славян, В. В. Виноградов писал о том, «как еще много в этих вопросах спорного, гадательного, субъективно произвольного, научно не обоснованного».⁹³ К сожалению, я готова повторить эти малоутешительные слова и в отношении рассмотренных мною гипотез, страдающих в большей или меньшей степени теми же недостатками.

⁸⁹ Степанов Ю. С. Несколько гипотез. С. 43—44.

⁹⁰ Савельева Л. В. Славянская азбука. С. 17.

⁹¹ Иванова Т. А. О новой интерпретации. С. 3—8.

⁹² Винке Фр. О происхождении и структуре. С. 126.

⁹³ Виноградов В. В. Проф. Л. П. Якубинский как лингвист и его «История древнерусского языка» // Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953. С. 11.